

Варобийс Антон

МЫ БУДЕМ
ВЕЧНЫМИ
КАК ГОРЫ

18+

Антон Алексеевич Воробьев
Мы будем вечными как горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37402731

SelfPub; 2018

Аннотация

Проблему смерти наконец-то удалось решить: простая операция – и прощай, старение. Осталось разобраться с проблемами, которое это решение породило...

– Давайте начнем с недавних событий. Расскажите, как прошел ваш вчерашний день, что интересного случилось?

– Я завел собаку.

– О, замечательно! Как назвали?

– Тузик. Тузик Сто Четырнадцатый.

...Госпиталь напоминал баню. За окнами плавилась в полуденной жаре улицы Найроби, желтые от старости кондиционеры давно перестали охлаждать и просто гоняли горячий воздух по палате. Свисавшие с потолка клейкие ленты шевелились под этим жарким дыханием, так что казалось, будто мухи уселись на них ради забавы, чтобы покататься. Воняло потом и лекарствами.

Напротив меня, оседлав хлипкий стул, сидел Стас.

– Нет, Смола, нет, – покачалась его постриженная под «ежик» голова. – Неправильно ты делаешь, совсем не правильно. Эти звери, – ткнул он пальцем в ближайшего пациента на койке, – убивали наших ребят. И тебя убьют, как только ты отвернешься. Не думай, что они будут тебе благодарны, ты для них – вонючий лурц, которого надо просто прикончить, и больше никто.

– Пока не прикончили, – пожал я плечами.

– Потому что я здесь, – выдвинул вперед челюсть Стас. – И слезу за ними.

– Что же прикажешь с ними делать? – поинтересовался я. – Не лечить? Пусть подышают?

– Да! Вот именно! – воскликнул Стас. – Почему-то они наших ребят добивают, а не тащат в госпиталь и не ухаживают за ними!

– Может потому, что мы пришли сюда с оружием и велели им очистить территорию?

– Мы были вынуждены! Господи, Смола, ты ведь лучше меня это знаешь!

Я смотрел на друга, на его покрытую шрамами правую щеку, на камуфляжную форму и черные очки в кармане. Когда он стал таким? Когда на его лице стало появляться это неприязненное выражение, стоило лишь упомянуть смертных? Когда он перестал считать их людьми? После Венесуэлы? Или раньше?

– Смерды есть смерды, – втолковывал между тем Стас. – Они все равно сдохнут, даже если ты их вылечишь. Это их судьба, Санек, глупо это отрицать.

Его темные брови хмурились, когда он формулировал очередной аргумент.

– Не сегодня – так через пятьдесят или сто лет. Сдохнут по любому, сам знаешь, – продолжал мой друг. – Ну и зачем тратить на них время?

– Они достойны лучшей жизни, – ответил я. – Не в бедности, не в этом технологическом убожестве, – махнул я на допотопную камеру флюорографии в углу. – И уж тем более не в резервации, куда мы их сейчас сгоняем.

– Ты не понял, – помотал круглой головой Стас.

Разговор угас. Я достал сигарету и вышел из палаты.

Тень под козырьком у входа обдала жаром, у меня было ощущение, что из бани я попал в промышленную печь. Курить сразу расхотелось.

На крыльце госпиталя сидел Гена и возился с какой-то собачонкой.

– Что за порода? – спросил я.

– Дворянская, – улыбнулся Гена. – Оставим его?

Я присмотрелся к собаке. Задняя лапа перебита, скорее всего осколком, все ребра на боках можно пересчитать, еле стоит на ногах, язык вывален от жары, но хвост виляет как сумасшедший.

– Оставляй, – кивнул я. – Подлатаем. Только в палату не пускай.

– Тихо, тихо, Тузик, – захохотал Гена, когда пес полез облизывать его бородатое лицо и покрытые татуировками руки. – Сейчас покормим тебя...

– Можете рассказать о Себастьяне Лурце? Вы ведь работали с ним?

– Да, какое-то время.

– Он – настоящая легенда! Вы были в его команде, когда он разработал свой метод?

– Нет, мы встретились гораздо позже. Я работал в лаборатории «Майер Холдинг» в Берне, когда Лурца пригласили возглавить нашу исследовательскую группу.

– Над чем вы трудились?

– Изучали механизмы клеточного старения. Выясняли, что заставляет организм запускать программу собственной смерти и как этому воспрепятствовать.

– Были какие-нибудь успехи?

– Мы продвинулись с клеточными элементами, но помешать старению не получалось. Каждый раз, когда мы блокировали найденный механизм, выяснялось, что есть ещё один, про который мы раньше не знали.

– Как вы думаете, почему Лурцу удалось то, что не удалось никому другому?

– Наш подход был неверным, мы не там копали. Что касается Себастьяна – думаю, ему просто повезло. Ведь, как вы наверняка знаете, свой метод он разработал вовсе не для борьбы со старением.

...Тихий размеренный писк кардиомонитора немного успокоил мои нервы. Руки перестали трястись, дыхание выровнялось.

– Приступайте, герр Смолин, – в старческом голосе Лурца звучали дребезжащие нотки.

Я взял дрель с тонким как игла сверлом и повернулся к операционному столу.

– Может все-таки попробуем сначала на приматах? – сделал я последнюю попытку переубедить новоявленное начальство.

Сотрудники нашей лаборатории, которые столпились тут же, все в халатах и медицинских масках, с надеждой посмотрели на Себастьяна.

– Начиайте, – раздраженно затряслась шапочка на лысой голове старика.

Я подвинул МРТ-сканер к мирно похрапывающему на боку добровольцу, приставил к помеченной точке сверло и начал проделывать отверстие. На мониторах было видно, как темная сталь продирается через крестцовую кость.

– Хорошо, герр Смолин, – Лурц подслеповато шурился, разглядывая изображение на экранах. – У вас твердая рука.

– А у медицинского робота, который сейчас бесполезно висит над столом, ещё тверже, – пробурчал я себе под нос. – Если бы кое у кого не было предрассудков...

– Теперь замедляйтесь, – Себастьян всматривался в монитор, подавшись к нему всем телом. – Медленнее, медленнее. Стоп! Так, мы внутри, отлично, – объявил он.

Мои коллеги пожирали глазами экраны, сияясь разглядеть там что-то необычное. На экранах светился нижний отдел позвоночника с торчащим из него сверлом.

– Давайте микроиглу, герр Смолин, – сказал Лурц.

Я отсоединил дрель и взял пинцетом тонкую, словно волос, иглу. В сверле по центру проходило отверстие, в него я микроиглу и вставил.

– Теперь вытягивайте жидкость. Надо всю жидкость вытянуть, – Себастьян помахал рукой, чтобы мне передали

шприц.

Кто-то пробежался по настройкам сканера, и небольшая полость в кости стала видна гораздо лучше. Я протолкнул иглу к границе сферической пазухи и втянул её содержимое в шприц. Набралось всего несколько капель прозрачной жидкости.

– Теперь быстрее, герр Смолин, – заторопил меня Лурц. – Не теряйте времени, иначе он погибнет.

Я вытащил сверло и залепил отверстие пластырем. Многочисленные руки коллег перевернули добровольца на спину, запрокинули ему голову и раскрыли рот.

– Давайте, герр Смолин, – нетерпеливо прильнул к монитору Себастьян.

МРТ-сканер уже пододвинули к голове пациента и выставили под нужным углом.

Я примерился и воткнул в мягкое нёбо «змейку» – гибкую иглу, похожую на тончайшую проволоку. Её острый конец можно было направлять в разные стороны. Через полчаса осторожного проталкивания, под несмолкаемый бубнёж «быстрее, герр Смолин, быстрее», я обогнул кости черепа, прошел вдоль гипоталамуса и достиг гипофиза.

– Шприц, – мой голос прозвучал хрипло и неразборчиво, но в руке мгновенно появился шприц с драгоценными каплями.

Одно движение – и жидкость устремилась в гипофиз. На экране было видно, как железа слегка набухла. Спустя секун-

ду кардиомонитор начал тревожно попискивать.

– Это нормально, нормально, – поспешил заявить Лурц. – Тахикардия была у всех, кому я делал эту операцию. Продержится пару дней – и пройдет.

Я выдохнул и трясущимися руками стянул маску с мокрого от пота лица.

– Приберите тут, – небрежно кивнул коллегам Себастьян, имея в виду торчащую изо рта пациента «змейку». Потом поймал меня за рукав халата и потянул к выходу: – Идемте, герр Смолин, пропустим по пиву.

В столовой научного городка было довольно безлюдно. Я сидел за столиком, все ещё в халате, сжимая холодную банку в руке. Лурц свое пиво перелил в кружку.

– Часто оперируете? – спросил Себастьян, сделав глоток.

– Человека – в первый раз, – невнятно проговорил я. – Мы ставили опыты максимум на шимпанзе. Почему вы были против?

Старческая рука, покрытая пигментными пятнами, поднялась в воздух и помахала указательным пальцем перед моим носом:

– Это потеря времени, ваши шимпанзе. Я не обезьянам операции двадцать шесть лет назад делал. Знаете, герр Смолин, что было в Южной Индии двадцать шесть лет назад?

– Знаю, – я нахмурился и глотнул из банки.

Лурц мой ответ проигнорировал.

– Лихорадка Пондичерри, – со значением произнес он. –

Слыхали? Два миллиона жертв. А кто нашел лекарство? Я, – Себастьян с самодовольным видом откинулся на спинку стула.

– Об этом писали все научные журналы, – кивнул я. – Только наше оборудование позволило бы провести эту операцию быстрее и без риска. Внесли бы описание в программу, робот сделал бы все остальное.

– Там всех этих новомодных штукovin не было, – отмахнулся Лурц. – Никаких медицинских роботов, «змеек», а временами и света. Мне приходилось делать трепанацию черепа и инъектировать гипофиз почти вслепую. Мой ассистент сделал светильник из обрезка оптоволоконна и фонарика, чтобы хоть что-то видеть в толще мозговых тканей.

– Разве ВОЗ вам не помогал?

– Поставки контролировала армия Южной Индии. До нас доходили жалкие остатки. Тяжелее всего было с водой. Литровая бутылка на человека в день. При сорокаградусной жаре и стопроцентной влажности, – голова старика слегка покачивалась из стороны в сторону, морщинистые складки под подбородком колыхались. – Никогда не участвуйте в войнах, герр Смолин.

– Я и не собираюсь, – хмыкнул я.

– Там происходят ужасные вещи, ужасные, – глаза Лурца подозрительно заблестели.

Я счел за лучшее сменить тему:

– Как думаете, сколько времени займут наши испытания?

– Вы, должно быть, хотите узнать, когда до руководства «Майер Холдинг» дойдет, что все работает именно так, как я и говорил?

– М-м...

– Это целиком зависит от их интеллекта.

– И на сколько вы оцениваете их интеллект?

– Хе! Лет на пять, – Себастьян одним глотком допил свое пиво и стукнул кружкой по стеклянному столу. – Думаю, мы с вами сработаемся, герр Смолин. С завтрашнего дня будете моим заместителем...

– Почему Лурц не применил на себе свой метод? Ведь тогда бы он перестал стареть.

– Тот факт, что подобная операция – ключ к бессмертию, стал известен только в две тысячи семьдесят четвертом году. Пациенты Себастьяна были простыми людьми из бедной страны, охваченной войной. Они не часто проходили медобследование. А сам Лурц к этому времени уже сильно состарился, он не перенес бы операцию.

– Когда вы убедились, что метод дает необходимый результат, что вы в тот момент подумали? Возникло ли у вас желание провести операцию своим близким людям, друзьям, родственникам? Себе?

– Я подумал, что не зря потратил несколько лет и что теперь я, вероятно, стану весьма богатым человеком. О том, чтобы применить метод на себе или посоветовать его род-

ственникам, я, конечно, размышлял, но что-то меня останавливало. Возможно, просто не хватало духу решиться. Ведь с бессмертием мы вступали в неизведанную область, где до нас не было никого. Никто не снабдил нас картой дорог и опасных обрывов.

– Окружающие вас люди тоже сомневались?

– Некоторые. Но большинство тогда все равно не могли себе позволить операцию: «Майер Холдинг» выставил за предельный ценник в двадцать миллиардов долларов. Конечно, богатые клиенты готовы были платить. Моментально образовалась очередь, нам пришлось открывать дополнительные отделения по всему миру.

– Ваши друзья, Станислав и Геннадий, были состоятельными людьми?

– Я познакомился с ними гораздо позже, когда метод Лурца стал намного более доступным, а проблемы, вызванные перенаселением, затронули самые богатые страны.

...Метрдотель показал нам номер, получил свои чаевые и откланялся. Ирина подошла к окну и приоткрыла тяжелую штору.

– Ну и как тебе Париж? – поинтересовалась она.

За окном лил дождь. В серой дымке исчезли уличные кафешки, над тротуарами торопливо плыли разноцветные зонтики, в соседних стеклянных крышах отражалось угрюмое небо.

– Через неделю обещают ясную погоду, – я подошел к Ирине и обнял её сзади. – Подождем немного. Я даже знаю, чем пока можно заняться, – добавил я, скользнув рукой по её стройной фигуре.

– Я приму ванну, – отстранилась девушка. – Устала с дороги.

Похоже, настроение у неё упало сильнее, чем казалось на первый взгляд. Я вздохнул про себя и полез разбирать чемоданы. Чертов дождь, не мог потерпеть пару дней?

Я отдал мысленный приказ, гарнитура за моим ухом передала его информационной системе отеля, и из стен полилась ненавязчивая музыка. Ирине нравился такой стиль. Для себя я выбрал новостной выпуск: перед глазами появилось полупрозрачное изображение, которое не мешало раскладывать вещи.

– Однако Жозе Меланшон настаивает на скорейшем принятии данного законопроекта, – забубнил в моем ухе голос ведущего. – По его словам, ситуация в экономике Евразийского Союза не позволяет откладывать решение до следующих выборов, которые состоятся в две тысячи сто шестьдесят третьем году. За два года бездействия мы приведем людей к катастрофе, подчеркнул он. Его оппоненты из фракции «Левая сила» утверждают, что закон об оптимизации приграничных территорий слишком расплывчат и может быть использован для нагнетания напряженности в странах третьего мира. Населению Южной Америки и Африки бу-

дет сложно объяснить, зачем вместе с сельскохозяйственной техникой на их земли завозят военных роботов. Мы попросили прокомментировать эту ситуацию главу «Римского консенсуса» Марселло Герра. Добрый день, мсье Герра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.